

Вэй Цин быстро нашел нужный парк в районе Сигао по адресу, который дал ему Чжан Юньлун.

Как тот и говорил, Лянь сидел в одиночестве на качелях. Погода в начале осени отличалась переменчивостью. На Ляне был длинный бежевый плащ, его подол свисал до самой земли и плавно колыхался в такт движению качелей, отчего казалось, будто юноша парит в воздухе.

— Лянь, — тихо позвал он.

Лянь поднял голову. Он, казалось, ничуть не удивился, увидев его, и его губы изогнулись в красивой улыбке:

— Ты пришел.

Вэй Цин сел на соседние качели, но его ноги были слишком длинными и то и дело задевали землю, поэтому ему пришлось оставить попытки покачаться, как Лянь. Остановив качели, он посмотрел на юношу, внезапно не зная, что сказать.

В итоге Лянь заговорил первым:

— О чем вы хотите спросить, господин Вэй Цин?

— Я... — О чем спросить? Спросить хотелось о многом, но он не знал, с чего начать.

— Сяо И?

Вэй Цин заметил, как красивые глаза Ляня округлились, а лицо резко изменилось в цвете. Лишь тогда он с опозданием понял, что мужчина, стоящий у входа в парк, окликнул Ляня по его настоящему имени.

— Это правда ты, Сяо И?

Мужчина сделал несколько шагов вперед, словно желая удостовериться. Вэй Цин окинул его взглядом. Мужчине было чуть за тридцать, тонкие безоправные очки на высокой переносице придавали ему интеллигентный, книжный вид. Книги, зажатые под мышкой, лишь подтверждали догадку Вэй Цина: от этого человека исходила та же аура, что и от его собственного отца.

— Учитель Лань, — Лянь поднялся с качелей и поклонился мужчине. Его лицо оставалось спокойным, на нем даже играла легкая улыбка, словно он встретил уважаемого старшего после долгой разлуки.

Только со своего места Вэй Цин мог видеть, что рука Лянь, почти полностью скрытая длинным рукавом плаща, слегка дрожала.

Учитель Лань. Лань Фэй?!

— Какая долгая встреча, Лянь. Я только что... хм, не был уверен до конца. Ты действительно очень вырос.

— А вы, учитель Лань, совсем не изменились.

— А это?.. — Мужчина бросил взгляд на Вэй Цина.

— Это мой коллега. В последнее время я... снимаюсь в сериале.

— В сериале? Разве так можно? О, я имею в виду твоего отца...

— Я уже давно разорвал с ним всякие отношения, — Лянь по-прежнему улыбался, будто говорил о ком-то постороннем.

Глаза мужчины округлились от удивления:

— Как же ты...

— Он не принимал меня, а я не мог терпеть его. Так что нам обоим лучше не видеться.

— Ну, даже не знаю, что сказать...

— Не будем о нем. Как поживает ваша супруга?

— Она? — Мужчина горько усмехнулся и покачал головой. — Мы давно развелись. А Сяоюй осталась со мной.

— Вот как... Понятно.

— Сяо И.

— Да?

— Как будет время, заходи ко мне в гости. Ты ведь знаешь, где я живу? Заодно повидеешься с

Сяоюй. Ты ведь ее еще не видел? Она у меня очень милая.

— ...Хорошо.

— Тогда я пойду. Учителю нельзя опаздывать, — сказав это, мужчина махнул им обоим рукой и развернулся, чтобы уйти. — Друг Сяо И, до встречи.

— Лянь, — позвал Вэй Цин. Видя, что тот не реагирует, он со вздохом подошел и обнял его сзади. — Он ушел, Лянь.

Лянь молчал, заведя руки назад и крепко обхватив Вэй Цина в ответ.

— Ты слишком сильно сжимаешь, Лянь.

— Дай мне просто так постоять. Я так устал... — Действительно, безумно устал.

— Когда-то я говорил, что я не гей, — тихо произнес Лянь. — Но тот, кого я люблю — мужчина.

Вэй Цин почувствовал, как у него глухо заныло в висках. Он слегка тряхнул головой, чтобы унять боль.

— Это он? Лань Фэй, учитель Лань?

— Когда-то он был моим домашним учителем. На самом деле это очень банальная история, — с горькой усмешкой сказал Лянь. — В шестнадцать лет я без памяти влюбился в него. Потом об этом узнали мои домашние... Семья Мо... Разумеется, подобное было непозволительно. Деньгами его подкупить не удалось, поэтому мой отец пошел на подлость: сделал так, чтобы одна женщина забеременела от него. Он был слишком добрым и благородным, поэтому ему пришлось жениться на ней. После этого отец дал ему крупную сумму денег и выпроводил в чужие края.

— Когда я говорил, что снимаюсь в гей-порно ради денег, это было правдой.

— Я разорвал все связи с отцом и ушел из дома без единого гроша в кармане. Я знал, что он в этом городе, знал, где он живет, кем работает, и знал, что каждый день он проходит здесь по дороге на работу и обратно. Наверное, он уже давно обо всем догадывался. Он ведь такой умный... А заговорил со мной, должно быть, потому что прочитал в газетах.

— Иди к нему.

— Что?

Вэй Цин внезапно отстранился:

— Иди к нему. Он ведь тоже любит тебя, разве нет?

— А... ну...

— Разве он только что не сказал, что развелся? Он любит тебя, ты любишь его, теперь между вами нет никаких преград. Почему бы тебе не пойти к нему?

— Но...

— Иди, — Вэй Цин легонько подтолкнул Ляня к выходу из парка. — Только возвращайся побыстрее, режиссер Чжан уже с ума сходит.

Договорив, Вэй Цин сел в тот самый броский Порше, на котором приехал, быстро завел мотор и, словно спасаясь бегством, уехал прочь от этого удушающего места и от человека, который заставлял его задыхаться.

Когда Вэй Цин вошел в холл гостиницы, там мгновенно воцарилась мертвая тишина. Первым отреагировал Гу Цичжэ, который только что закончил съемочный день.

— Ты, грабитель хренов! Я подам на тебя в суд! Обязательно засужу тебя!

— А-Чжэ, успокойся! — Лю Хун изо всех сил пыталась удержать разбушевавшегося Гу Цичжэ.

Вдруг Гу Цичжэ почувствовал, как прямо в него что-то летит. Он инстинктивно выставил руку и поймал предмет — это оказались ключи от его машины. Он тут же пришел в ярость:

— Вэй Цин, ты меня убить решил?!

Если бы он не среагировал вовремя, его лицо точно было бы изуродовано.

— Отличная реакция, — на лице Вэй Цина по-прежнему играла улыбка, разве что в ладоши не захлопал. — Спасибо за машину и телефон. Расходы на бензин и мобильную связь я попрошу возместить. Если возникнут вопросы, можешь передать их через моего человека. Но сейчас, извини, мне не хочется разговаривать. — К моменту, когда он договорил последнее слово, на его лице не осталось ничего, кроме ледяного холода.

О том, чтобы возразить, не шло и речи. Гу Цичжэ почувствовал, что у него нет сил даже открыть рот.

— Мне кажется, или... — растерянно пробормотала Лю Хун, глядя в спину Вэй Цина, скрывающегося за поворотом лестницы. — Почему мне вдруг показалось, что господин Вэй Цин ужасен?

Это точно не кажется! — мысленно подтвердил Гу Цичжэ. Вот оно, истинное лицо этого человека! Настанет день, и он обязательно его разоблачит.

— Что случилось? — Линь Юй, получив известие, поспешил в комнату Вэй Цина, но обнаружил, что тот целиком закутался в одеяло. Поразившись, он подошел и откопал голову Вэй Цина. — Опять приступ?

— Нет, — неловко съежился Вэй Цин. — Не голова болит... Просто на душе тяжело.

Только тогда Линь Юй с облегчением опустил на пол.

— Из-за Ляня? Ты ведь любишь его?

— Не знаю. У него есть любимый человек, и тот человек тоже его любит. Мне просто паршиво.

Линь Юй коснулся лба Вэй Цина. Он вспомнил их первую встречу. В тот день дядя Вэй Цина, его коллега по индустрии Вэй Гонянь, впервые привел этого мальчика к нему. В то время Линь Юй уже был золотым агентом кинокомпании S и повидал немало людей, но такого, как Вэй Цин, встретил впервые. Тогда Вэй Цину было всего семнадцать лет, но он обладал невероятно сложной аурой. Трудно было представить, как в одном человеке могут уживаться столь противоречивые черты характера, позволяя при этом сохранять рассудок. Впрочем, на тот момент психическое состояние Вэй Цина действительно было крайне нестабильным.

Вэй Гонянь рассказал ему, что специфическая среда, в которой рос Вэй Цин, привела к расщеплению его личности. Его отец был доктором наук, а мать — дочерью из знатного рода. С самого детства его воспитывали в строгости и традиционных ценностях. В этом не было ничего необычного, однако семья жила в свободной и раскрепощенной стране — Америке. По мере взросления, соприкасаясь с местными людьми и культурой, Вэй Цин вдруг осознал, что совершенно чужд этой земле. Два экстремальных мировоззрения и противоположные жизненные уклады поочередно ранили его душу. Он был умным, склонным к размышлениям ребенком, но собственный ум стал для него проклятием. Попытки осмыслить все, что его окружало, изнурили его до такой степени, что это стало невыносимо. В конце концов его психика не выдержала и дала трещину. До того как выйти на подиум, он даже лечился в санатории.

Спас его дядя, Вэй Гонянь. Он вырвал мальчика из той мучительной среды и привел на ослепительный подиум. Когда Линь Юй впервые увидел его, тот во многих отношениях все еще сильно отличался от обычных семнадцатилетних подростков. Его образ мыслей был крайне своеобразным, порой он совершенно не понимал простейших житейских вещей. Линь Юю пришлось потратить уйму времени, чтобы научить его улыбаться, общаться с людьми и правильно реагировать на различные ситуации. Но любви он так и не познал.

Нынешний Вэй Цин уже давно перестал быть тем надломленным ребенком. Он научился контролировать свои эмоции, научился тепло улыбаться и вести себя изящно.

— А Цин, знаешь что? Тот, кого ты любишь, вовсе не обязательно должен быть с тобой. Самое главное — это твое чувство к нему.

Вэй Цин моргнул:

— Я не понимаю.

— Поймешь позже.

Ему потребовалось больше десяти лет, чтобы наконец научиться любить. Но вместе с тем он потерял...

<http://bllate.org/book/21142/2144123>